

Библиотека „СИБИРСКИЙ РАССВЕТ“. № 3.

84(2Рос) Рус 6-4

Ш 656

Вяч. Шишков.

ЧУЙСКИЕ БЫЛИ

Цена 30 к.

Издание Культурно-Просветительного Отдела Алтайских Кооперативов.
Барнаул, 1917 г.

Изд. Алтайских Кооперативных Союзов, Барнаул, Гоголевская, 62.

Вяч. Шишков.

ЧУЙСКИЕ БЫЛИ.

ИЗДАНИЕ
В КРАТКОМ
ОБЪЕМЕ
В М. В. 1918 г.

ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОТДЕЛА АЛТАЙСКИХ
КООПЕРАТИВОВ.

г. Барнаул, 1918 г.

Типография Алтайских Кооперативных Союзов, Барнаул, Гоголевская, 62.

BA/CTOC-PYU/6-4244
Ш656

✓
✓

565554

Национальная
библиотека
Республики Алтай
им М.В. Чевалкова

5-ШВ-25-18

30.06.2005

Чуйские были.

Ох, как стегнула по Алтаю Чуя, священная река. Белые стоят на горизонте горы, все в вечных снегах, Чуйские Альпы, земли надгробие. В них родится Чуя, священная река.

Сначала степью течет она, высокой, горной Чуйской степью безжизненной: ни лесу здесь нет, ни сочных трав. Зато отсюда ближе небо, ярче звезды, чище, прозрачней воздух.

Вся степь, во времена прежние, до самых горных маковок была водой залита: века веков плескалось здесь озеро голубой волной. И стерегли это озеро, схватившись за руки, каменные витязи, Чуйские Альпы, богатыри алтайские; плечо в плечо стояли каменной стеной.

Но не удозорили, не усмотрели: обмануло их озеро, убаюкала их зыбун волна, уснули крепко. А вода прорвала себе ход, проточила горы и хлынула.

Рокот пошел по Алтаю, земля затряслась, осыпались горы. Широко волна хлещет, опрокидывает камни, скалы рвет, грохочет и стонет, и мчится вдаль бешеным потоком.

Это Чуя, рожденная в снегах, горами плененная, вырвалась на волю и понеслась меж расступившихся в страхе Алтайских гор.

А озеро обсохло, и дно его превратилось в песчаную Чуйскую степь.

Так стародревняя быль говорит.

* * *

На Чуйской степи есть маленький русский поселок Кош-Агач. Такой маленький, что с гор, обнявших степь каменным кольцом, его и не приметить.

Через Кош-Агач Чуйский тракт идет. Узкой тропой соединил он сибирский город Бийск с монгольским—Кобдо.

Весь-бы этот тракт серебром можно вымостить, да золотом, что загребли-захапали русские купцы у алтайцев и монгол.

Весь-бы тракт можно слезами залить, алтайскими да монгольскими, что сочились из узких глаз полудиких, с чистой душой, кочевников: такой большой обидой и горем наделил их русский, алчный хищник.

Так говорит про купцов недавняя быль.

Клянет их Алтай, клянет дух Алтая—грозный Курмыш, и будет клясть из рода в род за ту великую неправду, что грязным пятном пала на белое темя Алтая.

* * *

Бурным шумом шумит, шорохом шелковым... Эй, подожди, Чуя, вода холодная! Куда бежишь, куда по камням вскачь мчишься? Стой, Чуя, стой! Расскажи нам вчерашние и сегодняшние были свои.

I.

Зеркальце.

Зеркальце, как зеркальце. Маленькое, круглое, цена ему—пятак.

Купец их с дюжину привез в степь.

Думает купец:

— Надо калмыкам продать, надо калмыков нагреть. Греха тут нету: калмык не человек, зверь, и душа у него, как у пса, пар. Зверь и зверь.

Едет купец в гости к своему другу, калмыку Аргамаю, которого не раз надувал.

Вечером приехал, к огоньку. Аргамай в юрте сидит, толстый, сильный. Один у камелька сидит, баранью кость гложет и мурлычет песню о том, как он завтра на заре будет кочевать к снегам, где такие вкусные и сочные травы—сласть скоту.

— Эзень!—поздоровался купец.

— Эзень, эзень!—откликнулся Аргамай, всматриваясь в пришедшего.

— А-а-а... Эвон кто! Друг!..—радостно вскрикнул и уступил гостю свое место.

У костра засуетился,—огонь ярче вспыхнул,—полбарана положил в котел, чай по калмыцки готовить начал: с молоком, жареным ячменем и солью.

— Баб нету... Один больной, другой в гости укатил, к отцу.

— Нет-ли арачки?

— Бар, бар...—и подал в турсуке самодельную из молока водку.

Сидят, беседуют. Огонек весело горит. Арачка вкусная, теплая, по жилам загуляла, в мозг ударила, дала волю языку.

Калмык смеется и купец смеется, по плечу Аргамаю похлопывает, льстивые речи говорит:

— Ни у кого таких хороших коней нет, как у тебя. Самые лучшие быки у тебя. Самые жирные бараны у тебя. Ты богатый. Жена у тебя красивая.

Говорит, арачку пьет, баранину ест.

Аргамаю любо, слушает, смеется и, чтоб не остаться в долгу, говорит гостю:

— Ты самый хороший есть... Самый верный...
Друг...

Вспомнил купец про зеркальце.

Думает:

— Надо подарить. Убыток небольшой—пятак.

Достал, показывает:

— На-ка, поглядишь.

Смотрит пристально. Приковало его зеркало.

— Это кто?

— Да ты...

— Как я?! Это шайтан!..

— Так, ты...

Молчит, еще пристальней всматривается, недоверчиво на купца смотрит, говорит ему:

— Чего врешь?!.. Нету!.. Шуба-то моя, а рожу сроду не видал, не знаю!..

Купец блаженно улыбается, а калмык от нетерпенья заерзал по войлоку, руки дрожат, крепко уцепились за волшебное стекло.

— Да ты надень шапку-то... Видишь?.. Ты!

Смотрит калмык—его шапка в зеркале, косу смотрит—его коса, с ленточкой, бородавка на носу его,—ущупал...

— Ха-ха-ха!.. Продай... Делай милость, продай!

А купец совсем обмяк, радость другу своему доставить хочет, говорит:

— Да я тебе его...

— Делай милость, продай... Сколь хочешь, возьми!..

И вдруг купеческая душа к канаве покатила...

— Нельзя...—чуть дрогнув голосом, сказал купец.

— Возьми быка... Ребятам, бабам казать буду...

Ха-ха-ха... Пусть смотрят рожам...

— Нет, нельзя... — твердо купец сказал и легонько зеркальце к себе тянет.

Аргамай не дает:

— Два быка, три быка!.. хороших!..

Душа купца в канаву ляпнулась, захлюпалась в черной жиже.

— Что ты, я сам дороже заплатил... В Москве добыл... Знаешь, слышал?

Чуть не плачет Аргамай, большой ребенок:

— Возьми четыре быка... Пожалуйста возьми, друг!..

— Пойдем быков ловить, — жадно сказал купец.

Аргамай смеется плутовато, зеркальце подальше прячет, на купца с опаской смотрит, не продешевил-ли тот, не отобрал-бы...

Ласково ему говорит тонким своим голосом:

— Ты самый хороший есть... Самый верный... Друг...

Поздно ночью возвращался к себе в стан пьяный купец. И выписывая в седле опьяневшим туловищем мыслете, весело думал вслух:

— Он на то и калмык, чтоб его учить... На то он и татарская лопатка...

II.

Часы.

Жил-был ласковый торгаш с мышинными глазами. Он был такой хитрый, что любого шайтана мог трижды перехитрить.

Плут.

Приезжает к нему старый киргиз, Юсуп.

Посидел, покалякал, кой-что купил.

А торгаш только-что свежий товар из города, из Руси получил.

— Купи часы...

Взял киргиз в руки часы, полюбовался ими, языком прищелкнул!

— Живой... Стукет...

— Купи!..

Вздыхнул Юсуп. Надо-бы купить, не себе, а сыну, доброму джигиту. Эх, надо-бы купить.

— Я-бы купил... Денег нет... Вот будут, куплю...

Не любил Юсуп в долги залезать.

Водкой купец угостил его, целый стакан подал:

— Пей...

Магометанская вера строгая: водку запрещает пить. Однако Юсуп с хорошим человеком маленько выпить может, греха таить нечего.

А водка злая, крепкая, рот обожгла, веселым туманом обложила сердце.

Еще стакан подал.

— Пей на здоровье...

Очень ласковый торгаш.

Попрощался Юсуп, сел на своего верблюда, поехал.

Степью ехал. Тихо было в степи. Лишь кузнечики неумолчно в траве трещали. Небо бледное, в бледных звездах—белых лебедях. Из-за снеговых хребтов подымалась луна.

Едет старый Юсуп, улыбается, с верблюдом разговор ведет и, пьяненький, начинает напевать:

— Вот месяц смотрит... Алла-Алла... Круглый, зоркий, как глаз великого Аллаха... Светит мне, светит верблюду.

Дальше едет... Тихо в степи... Кто-то навстречу скачет... Свой...

Проскакал джигит. На ходу кричит что-то, но Юсуп не слышит. В небо глядит, месяцу слезящими-

ся глазами подмигивает. Месяц щурится и ярче освещает степь.

Поет Юсуп:

— Месяц, месяц... Золотой мой месяц... Мне хорошо, я богатый... Я старый, как в реке черный камень... Вот куплю часы... Урус часы привез... Я их куплю... Часы, часы... Гей, часы... Живые...

И он громко рассмеялся.

И зароились в его голове серебряные мысли, как те круглые, маленькие, блестящие часы, которые он видел у торгового. Их много, не пять, не десять, много. Он все их купит, все часы купит, он всем раздарит. Старой своей жене, средней жене, своей молодой жене... Сыну, джигиту трое часов повесит, себе целый десяток... Ха-ха... Пусть тикают, пусть вертят стрелками. Это больно хорошо... Он верблюду часы подарит, он быку подарит... Пусть и бык при часах ходит... Хе-хе...

Вдруг слышит: застонала степь. Дробный топот по степи звучит, отчетливый и быстрый. То кони скачут, бьют копытом землю, гудит земля.

— Ага, свои...—думает Юсуп.

Весело Юсупу. Огоньком вино по жилам бродит.

— Остановиться надо. Потолковать надо...

Нагоняют. Купец. С ним люди.

— У меня, друг, часы пропали... Которые ты в руках держал...

Пропали, так пропали... Ха-ха... Эка штука. При чем-же тут Юсуп.

— Я не брал...—говорит он, улыбаясь старым своим бронзовым лицом.—Пусть Аллах меня с коня столкнет, когда я над пропастью поеду... я не брал...

Ласково торговец отвечает:

— Да мы знаем, что не брал. Вот я с понятами еду, всех обыскиваем... Вас много в лавке было...

— Ищи. Пожалуйста ищи!..

Верблюду посохом по ногам слегка ударил, опустился верблюд на колени. Юсуп слез и с готовностью подошел к купцу, раскарячивая по пьяному ноги. Глаза черные, лучистые, открыто на купца глядят. Лицо добродушное, доверчивое, бороденка хохолком—дрожит.

— Ищи. Пожалуйста ищи!..

Стали обыскивать. Халат расстегнули... И вдруг...

— Ой, Алла, Алла!..—За пазухой часы.

У киргиза глаза широкие, рот открылся; замер весь, задрожал... И, схватившись за голову, закричал упавшим, рвущимся голосом:

— Вой, вой, вой!.. Не брал!..

Торгаш на всю степь взревел:

— Ребята, вяжи!.. В тюрьму его!!.

Вмиг месяц колесом по небу завертелся и упал, серебряными нитками осыпались звезды, небо почернело, всколыхнулась под ногами степь.

Бросился Юсуп на колени, скривил свой старый рот и заскулил жалобно. И не знал, и не видел из-за слез, куда ползти, кого молить, где торгаш, ласковый его друг:

— Ой, не надо тюрьма... Ради Бога, не делай... Ради Бога... Чего хочешь, проси...

Взял купец верблюда, велел пригнать на заре трех лучших игрневых жеребцов. И с честью возвратился во-свояси.

Т а в р о.

Купец Неправедный, роду крестьянского, в молодости пастухом был, из Монголии гонял хозяину овец.

— Я умный,—хвастался он,—я богатым буду обязательно.

И верно. Разбогател—распыхался вскорости.

Народ говорил про него:

— У этого рука не дрогнет... Он крест сбросил, а совесть-то пяткой притоптал.

И задумал он в Кобдо ехать, там орудовать.

Приехал, лавочку открыл, руки загребущие расставил, хайло свое, рот щучий открыл широко.

Но рыба ловилась все мелкая,—видно чорт дремал—осетры к другим торговцам плыли, и ему стало завидно.

— Это что за дела,—как-то сказал он в Иркутске, в клубе, сидя в компании купцов,—вот кого ежели-б по башке шкворнем съездить, да капиталом завладеть.

Купцы возмутились:—Негодяй!!—и немедленно спустили его с лестницы.

Но чорт пробудился, в купцову пасть икряного осетра загнал.

* * *

Почти в одно время с купцом Неправедным поселился в Кобдо тихий монгол Раптан, торговый человек. Он старик, ему восьмой десяток идет. У него три сына, два внука. Все вместе торгуют, одним живут домом.

Раптан старик хороший, норовит по правде торговать. Подружился он с Неправедным, в гости ходит, к себе принимает.

Неправедный тихоней прикинулся, ласково обращается с монголом и со всей его семьей. Дружба завязалась тесная.

Говорит как-то Раптан другу:

— У меня душа не на месте. Я из Китая удрал, кредиторам много должен. Как Большой Кулак бушевал в Китае, у меня три магазина разграбили. Я и удрал сюда. Вот расторговался.

Год за годом протекали, десять лет прошло. В дугу согнуло время старого монгола, плохо видеть стал, плохо слышать стал, и день, и ночь Богу молится, готовит себя к смерти.

А друга своего первого, русского купца Неправедного не забывает: и у него гостит, и к себе часто зовет, угощает его, подарки делает: то коров пригонит, то бегунца саврасого подарит, то пришлет купеческой жене куска два китайской чесучи.

Живет старик спокойно, кредиторы потеряли его след, все пути к нему поросли бурьяном...

И вдруг—напасть... Из Китая беда идет, нищету тащит за собой на веревочке.

Пришел к старому Раптану монгол и говорит: — Ой, Раптан, берегись. Тебя ищут, тебя завтра схватят, все возьмут: чиновник из Китая едет долг с тебя получать.

Раптан не сразу понял: и раз, и другой переспросил гонца. А как понял,—зашатался, на пол сел, в глазах песок, в груди льды идут.

— Я никому не должен. Я им был должен, трем купцам. Но у меня все разграбил Большой Кулак.

Тьма была. Только справа стояло зарево от горевшей башни. Слышались отдельные выстрелы. Издали доносилось тысячеголосое галденье китайских солдат.

— Много ваших войск-то? — прошептал купец.

— Много, — тихо ответил китаец.

— А чья возьмет?

— Пожалуй нас перережут.

Китаец тащил купца за рукав. Во тьме наткнулись они на что-то и оба упали.

— Это наши убитые, — прошептал китаец, захныкал и что-то запричитал. А купец перекрестился. Опять пошли. Звуки крепки. В воздухе порохом пахло.

Навстречу попалась целая стая собак. Они выли, подлаивали, щелкали зубами, грызлись, невидимыми клубками катаясь по земле.

— Входи! — сказал китаец.

Они вошли в калитку глинобитной выходящей на улицу стены. Фанза китаец, склады и лавки стояли в глубине огромного двора.

Вдруг, китаец остановился. Остановился и купец. Замерли. Кто-то хрипит во тьме.

Китаец ухнул, завопил:

— Зарезали... Брата зарезали...

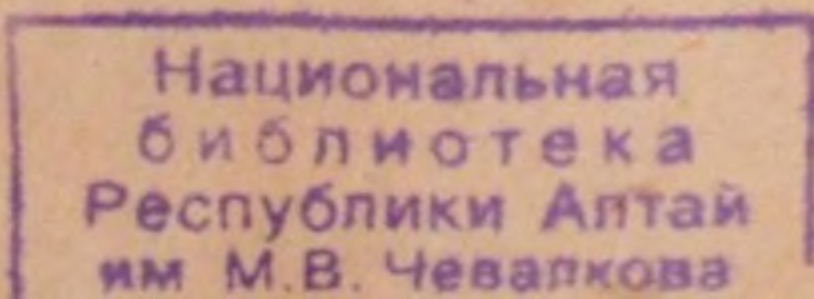
Но нет!.. Знакомый слышится зов:

— Чанбо! Чанбо!.. Иди скорей...

Бросился Чанбо своему юному брату на шею, а тот говорит цепенеющим от страха голосом:

— Двое врагов были... Мы с приказчиком отстреливались. Приказчика зарезали, ушли... Грозили вернуться... Я боюсь, Чанбо... Чу, как хрипит... Боюсь...

565 534

— Не бойся,—успокаивает купец,—при мне не имеют полного права тронуть...—говорит так, а сам тоже не может зуб на зуб попасть.

Все трое входят в фанзу. Огонь зажгли.

— Со мной не потрогают... Нам, русским монголы заявили: кто боится—уйди за город. Кто не боится—сиди на месте: русским никакого худа не будет.

И не успел сказать, как шум на улице послышался, загалдели люди, близко где-то затрещали выстрелы.

— Идут!!.

Заметались братья, не знают, что делать, куда укрыться.

— Полезайте на всякий случай в лавку, заройтесь в товар.

Но там одним китайцам страшно.

— Тогда айда в мешки! Мешки пустые есть?

— Есть.

Два больших мешка живо притащили, сели в них, купец прочно завязал каждый мешок и поставил в угол.

— Сидите смирно, скажу, что это мои мешки с верблюжьей шерстью. Только ни гу-гу... Не шевелись!

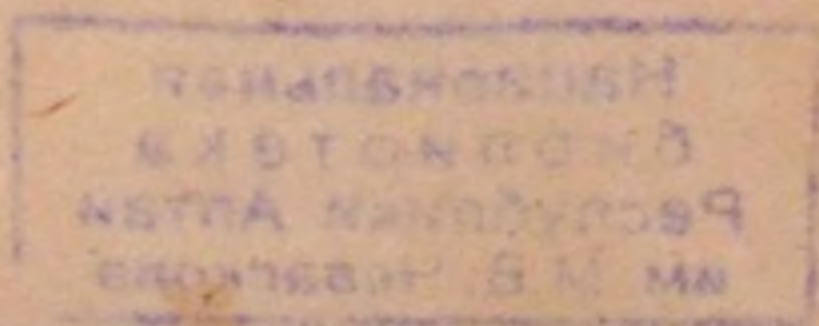
А чорт уже возле купца орудует. Сердце купеческое своим хвостом щекочет.

— Нет, нет...—зло отмахивается купец от навождения и крестится.

Рев всё ближе. Рядом. Отдельные выкрики ясно слышатся.

Купец выбегает с фонарем на крыльцо:

— Эй, что надо?!—кричит ворвавшимся во двор монголам.

Тех много. Факелы в руках. Возбужденные, в зверей обратившиеся, пьяные кровью, бегут шумной ватагой к крыльцу.

— Что надо!? Стой!!—нарочно по русски кричит купец.

Бегут к крыльцу, галдят, сверкают большими ножами, ружья наготове, дубины подняты.

— Ты русский?!—крикнул один из них, подбежав вплотную.

— А ты не видишь?—по-монгольски строго говорит купец. Растаял в сердце страх.

— Не видим... Темно... Где Чанбо?

— Нету.

— Врешь!

— Нет, не вру!!!—ревет купец...—Товар не смей поджигать: мой товар. Всё купил я!.. Русский!.. Я!!!

Остановились.

— А то казаков своих позову!.. Русских!.. Солдат!..

— Мы тебя не тронем... Товар твой не тронем... Мы китайцев режем... У нас война... Где Чанбо с братом?..

И хлынули в дом.

Купец за ними. Толпа пьяна кровью,—купец пьянеть начал. Толпа звериных дел жаждет,—звевает сердце купца.

«Убей»... чорт купцу шепчет... «Всё твое будет».

Купец молчит, тяжело дышит, в борьбе с собой зубами скрипит. Лоб холодным потом покрылся, замирает сердце, щеки огнем взнялись.

Толпа по закоулкам шнырит, в сундуки заглядывает, а на мешки внимания не обращает.

«Всё твое»... чорт купцу нашептывает.

— Мое!..

Не то крик вырвался, не то зарницей мысль стегнула в ошалелой голове купца.

«Война всё простит, всё покроет», — змеиное шипенье разрывает слух.

Черный свой голос, задыхаясь, подает купец, приговоренных к смерти друзей своих, китайцев успокоить хочет. Пусть, умирая, думают, что друг их, русский, грудью стоял за них.

Купец сказал:

— Чанбо нет, брата его нет... Слышите?!

Обомлевшие китайцы, едва дыша, Богу молятся, русского друга прославляют мыслью и радуются последнею своею страшной радостью.

Черным голосом повторил купец:

— Слышите?! Чанбо нет, брата его нет: они далеко убежали...

А сам мигнул монголам и предал китайцев твердым жестом недрогнувшей руки.

Два кривых ножа сверкнули, два ножа кровью обагрились. Отлетела с жалобой древняя китайская душа.

А купец?

Купец всю эту ночь, как ушли монголы, на верблюдах китайский товар к себе возил. Весь следующий день возил. Всю неделю возил.

Он молчал, ни с кем не говорил, только рукой указывал. Как кончил с товаром, пить стал.

V.

Гнус.

Был купец, по прозвищу Гнус. Он прежде, говорят, другим делом занимался. Но видно судьбе за-

хотелось в сторону вильнуть, на другое место поставить человека. Стал Гнус купцом.

Лицом курносый, борода лопатой, глаза яблоками, на лоб вылезали, наглые. Корпусом толст, голос зычен: как гаркнет в поле—лошади шарахались в сторону.

А удасть была в нем степная, дикая: скакать-бы ему на бешеном коне по полю, глушить-бы проезжих с товарами ямщиков, чиновников, купцов.

Да так оно и было на самом деле.

Ведь, черт его знает! Ведь горы золота нажил человек, а любил, бывало, пошалить темной ночью, с лихими киргизами, друзьями своими, побарантачить. Видно кровь в сердце кипучая была.

Подобрал себе шайку отпетых—от них и киргизы-то отказались—и стал с ними по горам гулять.

Удали через край в Гнусе, а скупость сказочная.

Деньгу любил ужасно, настоящий Кащей.

За примером ходить не далеко.

Приказчик у него много лет служил, а жалованье не забирал:

— У тебя, хозяин, оно сохраннее будет...

Видит Гнус: накопил приказчик денег изрядно, жаль будет выплачивать.

И придумал Гнус штуку.

Призвал знакомого киргиза, друга и говорит:

— Укради-ка из моей кладовой, что приказчику на отчет сдано, тюков двадцать верблюжьей шерсти, да ко мне в амбар перевези.

Удивился киргиз. Однако выбрал потемней ночь враздничную, когда приказчик гулял где-то на пирушке, да с товарищами и очистили кладовую.

Взвыл приказчик, во все концы искать бросился, но разве сыщешь?

Гнус освирепел, выгнал его без расчета на улицу. Но это еще не беда. Это обида малая.

Были дела и почище.

Чуя, священная река. Перейдет за реку корова—она Божья, алтаец или монгол не берет ее обратно. Стадо переберется где-нибудь бродом—Божье стадо. Гнус со своими молодцами, с лихой шайкой, как пронюхал это—стал целыми табунами перегонять лошадей и коров за реку.

Алтайцы плакали—лишались скота, а Гнус радовался: скот ничей, Божий, значит его.

Так и копил богатства.

Несколько лавок у него было. Весь округ был должен ему.

Долги собирал он натурою: возьмет у калмыка телят двадцать за долг, за какиенибудь двадцать кирпичей чаю, по рублю кирпич, да и скажет ему:

— Ты, друг, оставь телят-то у себя. Где их буду пасти, у меня земли нету.

Оставит калмык. Пасет их и год, и другой, и третий. А потерять или продать—не смеет: телята все купеческим, Гнуса, клеймом мечены.

На третий год присылает Гнус подручного и берет своих трехлетних быков.

А калмык по простоте душевной думает:

— Всё верно, всё так... Теленком был, Бог рос-тил—бык стал...

Как-то монгол задолжал Гнусу целковый. Хорошую у него трубку купил. Монголу без трубки нельзя, как красавице без румян. Бедный монгол, немущий.

Гнус сказал:

— Вернешь мне через год за целковый пять шкур сурка: процент на тебя накладываю.

Монгол с процентом очень хорошо знаком: монголы русскими обучены, процент вот где у них сидит; ради процента, чтоб его шайтан съел, все они, и бедные, и средние, по горло в долгах, в кабале вечной.

И случилось так, что у монгола не оказалось к концу года лишних шкур: на сторону продал, повинности справил, семью кормил в голодный год. Уплатил всего две шкуры.

— На будущий год уплатишь мне две овцы и три шкуры. Процент накладываю.

Монгол отлично понимает, что такое процент, тяжело вздохнул монгол, но делать нечего.

Вот и второй год кончается. Дела еще хуже идут. Одну овцу притащил.

— Теперь ты будешь должен мне годовалого бычка и пять овец. Теперь все дорого, доставка дорогая. Большой процент накладываю.

До пяти быков дошло дело, до пяти верблюдов. А каждый верблюд сотню рублей стоит.

И век-бы сидеть в неоплатных долгах монголу, да догадался, умер. Процент сгубил молодца.

А и всего-то трубку купил, вещь малую.

Но были случаи и почернее.

* * *

Лихие молодцы киргизы. Но и Гнус охулки на руку не положит.

Завел себе весь наряд киргизский, малахай бархатный с лисьей выпушкой сделал, чатпор березовый вырезал—такую палку с корневищем на конце, трахнешь по голове—череп как арбуз спелый разле-

тается! А конь у Гнуса—чорту брат: ветер ни по чем ему, что ветер! Стрелу певучую обогнать может.

Гнус атаманом стал.

И никто об этом и не догадывался. Только ночь темная, да широкая степь, да горы знали. Да еще те, несчастные... Но те слова не вымолвят, немую жалобу с собой унесли в землю.

Надумал Гнус караван с серебром обобратить: серебра в Монголию идет много, в слитках, серебро там ценится.

Правда, это давно было, лишь старики помнят.

Издавека начал выслеживать Гнус, за границу проводил, в Монголию. Там степь, жилья нету, кричи сколько хочешь, плачь, умоляй—степь всё выслушает скорбно, но защиты не даст.

Идет караван степью и не чует беды. А беда по пятам крадется, жметя у гор, серая, как серый щебень-курум.

Идет караван ходко, но и солнце не дремлет, книзу катится, вот-вот сядет за сизые хребты. Караван торопится: в степи воды мало, надо у речки ночевать, а до речки добрых десять верст.

Как пал сумрак, говор, речки слышался. И люди, и лошади обрадовались: отдых.

Не успели еще коней выпрячь—вихрем налетела шайка... Арканы в ход пошли, руки ямщикам вязать начали, конвойных смяли, много-ли их, всего три человека. Один сопротивляться стал...

И быть-бы злу великому, но кто-то помешал: то-ли казаки из Кобдо в Кош-Агач почту везли, то-ли знакомый купец ехал,—гикнул Гнус, и вся его ватага умчалась в горы.

— Сорвалось,—сердито думает Гнус, губы себе в кровь искусал, коня взмылил и долго, ругаясь,

грозил кулаком золотому огоньку, что робко замигал у речки.

Этим дело не кончилось. Начальство узнало, кликнуло клич.

— Ребята! Кто желает разбойников ловить. Кто хочет получить награду? Шаг вперед!

Выискались двадцать пять казаков, двадцать пять отпетых голов.

Снарядились, поехали чуть свет в путь-дорогу с казацкой песней, с бубнами.

Лихо кони мчат, лихо скачут: степь ровная, с гор прохладой веет.

Скоро караван встретили, назад идет: надо конвой усилить, да оборону взять, а то беда.

— Где разбойники?—старший казак спрашивает.

— А кто их знает,—отвечают люди,—эвона они как сиганули, только пыль завилась столбом...

К горам поехали казаки, в балку заглянули—пусто, в долину речки заглянули—нет следов, дальше поехали, песни не поются, смолкли бубны. Тихо едут, слова не проронят: как-бы не спугнуть врага.

Вот и дню конец, а казаки еще и привала не делали, утомились, по сухарям соскучились, лошади похрапывают, корму просят.

Остановились на ночлег.

Гроза надвигалась. Сумрак наполнил степь, скрыл горы. Вдали безмолвно играла молния: вспыхнет там, где-то за хребтами, потрепещется над вдруг всплывшими из мрака вершинами и тихо погаснет.

— Дождь будет,—сказали казаки и быстро палатки раскинули.

— Гроза идет,—сказали казаки, поужинали, чаю кирпичного напились и завалились спать.

Гроза надвигалась.

Две грозы надвигались на казаков. Светлая гроза, с молнией и ливнем. Черная гроза—Гнус, душа коварная.

Карауль, сторожевой казак, карауль!.. Черная гроза—опасная.

Сторожевой казак Петр Байкалов боится небесной грозы, его громом в детстве еще оглушило. Стоит Байкалов, молитву шепчет, винтовку дрожащею рукою поглаживает, собирается старшего будить. А старший злой: Байкалов и его боится, и грозы боится, не знает, как быть.

Гроза надвигается быстро, ветерок впереди ее идет, разметает степную дорогу, вольную.

Байкалов к самой палатке подошел, а войти не смеет. На небо опасливо смотрит, как-бы оттуда стрелой громучей не пустили. Небо огнем кроется, вздрагивает казак, крестится:

— Свят, свят, свят.

Гром глухо стучит и рассыпается по горам горохом.

Тьма. Ветер травой шуршит, ветер палатку треплет, стал накрапывать дождь.

Тьма густая, предательская. И ничего-то в ней не видать, ничего-то в ней не слышать: лишь сухая трава шуршит.

Эй, смотри, казак!.. Как олеснет молния—смотри.

Товарищи храпят, пуще всех старший храпит и что-то во сне бормочет.

И чует казак: две грозы идут; вторую, черную, сердцем чувствует, защемило сердце тоской...

Крестится казак:

— Господи, спаси... Чего-то чижало...

В небе молния золотой веревочкой с краю в край стегнула, засияла степь, гром ударил близко...

Байкалов проворно залез в палатку и с головой шинелью закрылся.

Эх, казак, казак...

Шорохи по степи ползут, много шорохов...

То не дождь-ли льет-поливает, не град-ли ба-
рабанит по земле?

Нет, не дождь... Нет, не град... Черная гроза
приближается.

Шорохи крепче, шорохи сильней. Это смерть
по равнине хлещет.

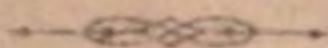
Две грозы грянули враз над казаками: гроза ог-
ненная грохотом всё заполнила...

А черная гроза с лешевым гиком и посвистом
мертвой лавой пронеслась: три тысячи бешеных ко-
ней во весь опор проскакали по спящим казацким
телам.

Одну слякоть оставил от казаков Гнус, душа
звериная.

* * *

...леко стегнула по Алтаю Чуя, священная ре-
ка!.. Бурлит по крутому склону, вся седая, вся кос-
матая, яро камни точит, грозит своим гневом чело-
веку. Стой, Чуя, стой!.. Гляди: восход стал розовым...
Гляди: светлый царь из-за гор встает в золотой пор-
фире... День идет, день идет, ночь кончилась... Еще
немного—и твои волны запоют иные песни и будут
сказывать новые были, светлые и радостные. Да не
повторится прошлое, да не затмит оно грядущего
дня. Эй, останови, Чуя, гнев свой, не точи яро кам-
ни, не кляни падших... Милости, Чуя, священная ре-
ка, больше милости!

Салык Чунуэеков

1925 года 15²⁰ октября

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ Алтайских Кооперативов

издает произведения сибирских писателей, а также произведения российских писателей, изображающие Сибирь, под общим названием:

Библиотека „СИБИРСКИЙ РАССВЕТ“.

ВЫШЛИ В СВЕТ

- № 1. Георгий Гребенщиков . . . — «В делях» — . . . цена 30 к.
№ 2. Александр Новоселов . . . — «Санькин Марал» — » 20 к.
№ 3. Вяч. Шишков . . . . . — «Чуйские были» . . . — » 30 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ № 4:

Ст. Исаков . . . . . — «Там, в горных долинах».

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

- Вяч. Шишков . . . . . — «Помолились»
» . . . . . — «Оборотень»
Георгий Гребеньщиков . . . . . — «В тиши степей».
» . . . . . — «Волчья жизнь».
» . . . . . — «Змей горыныч»
Александр Новоселов . . . . . — «Жабья жизнь».
Арс. Жиляков . . . . . — «В тихих лесах».
Арт. Ершов (Артем.) . . . . . — «В поисках родины».
И. Гольдберг . . . . . — «Большая смерть».
« . . . . . — «Олень».
« . . . . . — «Последняя смерть».
Ф. Филимонов . . . . . — Стихи.
П. Казанский . . . . . — «Родному краю» (стихи).
» . . . . . — «Алтайские легенды».
«Хан-Алтай» — сборник стихотв. разных авторов.

Предполагаются к изданию рассказы и стихотворения как перечисленных, так и других сибирских и российских авторов.

Размер каждой брошюры, приблизительно, 16—32 страницы

Склад издательства — в г. Барнауле, Алтайской губ., Томская ул., д. № 86.

Упаковка и пересылка — за счет покупателей.

Книжные магазины, кооперативы и общественные организации, выписывающие не менее 10 экземпляров одного названия, пользуются скидкой в размере 20%.

Все брошюры издаются по новому правописанию.

200-00

1918
ГОД

ГОД
7-й
ИЗДАНИЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
(50 номеров в год)

Алтайский Крестьянин

издаваемый Кооперативными Союзами
Алтайского края.

Являясь органом Культурно-Просветительного Отдела Алтайских-Кооперативов, журнал дает место на своих страницах материалу по вопросам политической жизни страны, кооперативным, сельскохозяйственным и культурно-просветительным, а по мере возможности, и изящной литературе; в сообщениях с мест освещается по-сильно ход кооперативной и культурно-просветительной деятельности в среде алтайского крестьянства, а также и в иных местах Сибири и России.

В 1918 г. журнал будет издаваться по новому, упрощенному правописанию.

Подписная цена.

- На год . . . . 10 р. — к.
- На 1/2 года . . . 5 р. — к.
- На 1 месяц . . . — р. 85 к.
- За отдел. ном. — р. 20 к.
- Рассрочка подписной платы не допускается.

Кооперативы и их союзы, выписывающие сразу по многу экземпляров, пользуются скидкой: при выписке одновременно от 11 до 30 экземпляров—5 процентов скидки, от 31 до 50 экземпляров—10 процентов, от 51 до 100 экземпляров—15 процентов, свыше 100 экземпляров—20 процентов.

Печатание платных объявлений воспрещено Барнаульским военно-революционным комитетом под страхом конфискации имущества и тюремного заключения.

Прием подписки и объявлений

производится в конторе редакции журнала.
Подписку можно направлять также через все кооперативные союзы Сибири.

Редакция и контора журнала

помещается в г. Барнауле, Томская ул., № 86.
Заведывающий редакцией принимает для личных объяснений по понедельникам, вторникам и средам, от 12 до 2 час. дня.